«Вечерний Ленинград» 2 дек 1975 г.

ОТ ПЕСНИ, ОТ СКАЗКИ...

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

200-КИЛОМЕТРОВАЯ извилистая Свирь соединяет мое Прионежье с родной Александру Прокофьеву раздольной, широкошумной Ладогой, где

На Ладожские плесы,
Покинув ближний стан,
Идет густой белесый
И стелется туман.

Меня, начинающего онежского стихотворца, в тридцатых годах свела с певучим, как озерный вал, ладожанином Прокофьевым не только Свирь, не только Нева. Свела могучая река поэзии, в которую вливалось тогда творчество Николая Тихонова, Виссариона Саянова, Николая Брауна, Александра Решетова. На ее стремнине серебром засверкала струя голосистых стихов кряжистого сына рыбачьей деревни Кобона, где у самой околицы плещется слитое по горизонту с небом озеро-море, где

Перед грозой, как войлок,
Тяжелые шелка.
Летят, пугая мойву,
Седые облака.

Песни Прокофьева о Ладоге напоминали мне о родной моей синей Онеге. А его стихи? В них было тоже много знакомого, свежо увиденного глазом художника, — удаль ладожских парней, идущих в праздник в штиблетах гулять на Оять, обаяние тоненькой девушки Тони, белые рукава черемух. Поднимала дух романтика революции и гражданской войны с красноармейцем в шлеме-богатырке, с матросом, который «весь в патронах, в бомбах весь», с суровым и печальным образом матери, родившей и вскормившей двух сыновей «ради мира, ради радости своей».

Голос молодого Прокофьева звал к себе и за собой не только северян. Поэт богател читателями и друзьями. Мне — да мне ли одному? — казалось тогда — и не только тогда! — что в своих стихах Прокофьев говорит от моего имени, от имени многих молодых современников, высказывая наше мироощущение:

Раскинулась даль голубая
Простора и ветра полна
И морем, как мы, не сгибаясь,
Высокая ходит волна.
Нам ветер суровый не страшен,
Пусть бурям не видно конца.
Отвагою родины нашей
Горят молодые сердца...

С несколькими опубликованными в газетах стихами появился я в квартире Прокофьева. Влекло познакомиться, получить одобрение, совет. Такие неназначенные встречи, наверное, отнимали в ту пору немало времени у Александра Андреевича.

Пришедший ранее меня Борис Шмидт читал хозяину лирическую поэму. В ней с забавной непосредственностью сосуществовали любовь к девушке и любовь к футболу. Стихи были красивы, как и сам молодой автор. Прокофьев хвалил его. А мне сказал:

— Газета приучает не растекаться стезей по древу. Однако надо дерзать. Что-то из нового надо бы послать, скажем, в «Резец».

Приходившие к Прокофьеву молодые поэты, как тогда и я, наивно верили, что если попросить, то он раскроет какие-то «секреты» своего мастерства. На первом месте при этом была форма. Опередил нас пришедший тогда к Прокофьеву литконсультант Союза писателей Кан.

— Вот как вы выбираете, — спросил он, — стихотворный размер?

— От бумаги зависит, от бумаги, — лукаво улыбнулся Александр Андреевич. — Лежит на столе большой лист, вот и размахнется строка чуть не гекзаметром, а если, скажем, листок из блокнота, так на нем волей-неволей только ямб лепится...

Я стал печататься в «Резце» и в «Красной деревне», а после поездки с группой молодых писателей на Кольский полуостров появился цикл моих стихотворений о Кировске и С. М. Кирове в журнале «Звезда». Это было замечено Прокофьевым. Редактировал «Звезду» в то время Николай Тихонов. Получить его признание считалось большой честью! Прокофьев сказал мне:

— Гордиться можешь. Стихи в «Резце» это как бы вид на литературное жительство, а стихи в «Звезде» — это, понимаешь, паспорт, законный литературный паспорт.

Сказано это было в Новгороде, куда Прокофьев, чтобы провести вечер поэзии, приехал вместе с Николаем Брауном и Александром Гитовичем. Я к тому времени на-

всегда обосновался в Новгороде.

Прокофьев, Браун и Гитович крепко дружили. В те годы всегда втроем выступали во многих воинских частях, дворцах культуры, в вузах, на заводах.

На вечере в Новгородском гарнизонном клубе первым читал стихи Александр Гитович. Молодой, только что прошедший обязательную военную службу, он много стихотворений посвятил военно-оборонным темам.

Красноармейцы и командиры, курсанты Новгородской совпартшколы, студенты учительского института с интересом слушали стихи ленинградцев. Это была первая в истории города встреча с живой советской поэзией, с достойными ее представителями.

Николай Браун читал стихи о Ленинграде, о празднике в Новой Деревне, где аккорды цыганской гитары сливались с мелодией гармоники. За сорок лет многое улетучилось из памяти, не могу вспомнить строки из тех пластичных, музыкальных, светлых стихов. Читал их Николай Леопольдович в манере Владимира Яхонтова — легко, изящно, одет был изысканно: серый костюм, жилет, белая рубашка с галстуком. Прокофьев вышел в обычном костюме, из-под расстегнутого пиджака виднелась синяя русская рубашка с пояском, вышитая по вороту васильками. Таким точно написал двенадцать лет спустя портрет друга Николай Браун в стихотворении «Гость»:

...Городское платье. А по взмаху
Рук его, по их рыбачьей силе
Он — в рубахе.
И цветы России
Все сбежались на его рубаху:
Васильки до ворота достали,
По груди рассыпались ромашки,
Незабудки развеселой стаей
Опустились к рукавам рубашки...

Ни убавить, ни прибавить! Никакой стилизации под сельского парня, никакой рисовки у Прокофьева не было.

О чтении своем поэты говорят так:

— Читаем ритмически. За это извините. Хорошо должны читать артисты. Мы должны хорошо писать.

У Прокофьева в тридцатые годы выработалась своя особая, для него естественная манера чтения,— прямое, прямодушное обращение к слушающим, прямой разговор. Дескать, глядите, вникайте, как было:

Вся деревня скажет: вылил пулю,
Ныне рассказал такое нам!
Мой братенник ходит
к Ливерпулю
По чужим, заморским сторонам!
Пароход — длинней озерной
лодки,
И на тыщи верст —
сплошной пустырь,
Лишь туман плывет
в косоворотке
На чудесный камень Алатырь.

В сравнении с только что звучавшими в зале стройными стихами Н. Брауна эти, рубленные топлотники «в лапу» стихи Прокофьева казались грубоватыми. Но чем дальше читал он о мореходах, о партизанах, о невесте, читал с неспешным северным окающим говорком, тем мы больше и больше убеждались, что тут тоже, как и в манере одеваться, нет рисовки.

Но вот Прокофьев ведет сказ про друзей-товарищей, про тех, которые в боях отстояли нашу Советскую власть. Это — героикомсомольцы. И темп чтения становится строгий, маршевый.

Слева — поле, справа — поле,
Впереди затон.
Едут, едут комсомольцы
На родимый Дон.
Напоили славой воздух
Боевые дни.
На папахах блещут звезды,
На плечах ремни.

Другая архитектоника, другая тональность стиха. А исток один — из народной песни. Волею своей природной поэтической одаренности молодой Прокофьев освоил дух народной песни, лад ее и склад, влил народность в стихию своего стиха. Отсюда прямой путь к маршам, песням о тайге золотой, о гаснущем солнце за рекою, о густой роще в зареве заката, путь от «Повести о двух братьях» к поэме «Россия» с ее эпической сутью, героикой и масштабностью.

После Великой Отечественной войны мне приходилось не раз советоваться с Прокофьевым о выпуске альманаха «Новгород», об издании сборников стихов. Прочитывая мои рукописи, он с присущей северянам не обидной прямотой какие-то стихи коротко хвалил, какие-то отвергал.

Александр Андреевич гостил в Новгороде весной 1959 года, когда город готовился праздновать свое тысячестолетие. В печати появилось тогда стихотворение Прокофьева «Новгороду».

В том же году прозвучала песня В. П. Соловьева-Седого на слова Прокофьева «Новгород Великий», исполненная мужским хором завода «Волна» на юбилейных торжествах. Песня говорила:

Много славы в этом имени,
Доля высока.
Буйный Волхов
мчит из Ильменя,
Русская река.
Города непобедимые
Гордые стоят.
Ты в семью, в семью родимую
Встал, как старший брат.

Кто бы ни писал о Прокофьеве, все отмечают связь его творчества с фольклором. И это справедливо. Народных песен, сказок, пословиц, поговорок знал он великое множество, содействовал публикации сборников произведений устного народного творчества, из которого, по выражению Вас. Федорова, он, Прокофьев, все время черпал немалыми ковшами. И заметно гордился этим.

— От песни да от сказки поэзия начиналась, — говорил он. — не худо, когда от тех же родников она продолжается.

Охотно переводил на русский язык эстонские, латышские, литовские народные песни — любовные, свадебные, бытовые, шуточные. Они обогащали палитру его красок и, уверен, сами под рукой великолепного мастера слова обогащались.

В 1965 году печаталось четырехтомное собрание сочинений Александра Андреевича. Находясь летом в Доме творчества в Комарове, я пришел на дачу Прокофьева, чтобы поздравить его с выходом первого тома, который уже купил и держал в руках. Надписав мне синими чернилами книгу, он принес из другой комнаты корректурный оттиск четвертого тома, полистал его.

— Тут мои переводы с эстонского. Был я в Эстонии. Слышал, как один старый рыбак пел: счастье деду быть здоровым, крепким памятью.

Мудро спето! Память — счастье великое. Вот я тебе расскажу про одного памятливого деда карела из вашего Заонежья, из села Кереть, из-под Архангельска, про Матвея Коргуева. Ты спроси в библиотеке книгу «Сказки Карельского Беломорья», два огромных тома. Это сказки Матвея Матвеевича. Я знавал его. За два года до Великой Отечественной войны изданы в Петрозаводске сказки Коргуева были под редакцией профессоров Азадовского, Ларина, академика Мещанинова. И мы с Алексеем Павлычем Чапыгиным в том участие принимали, в редактировании текстов Коргуева. Записано от него было 115 сказок, каждая страниц по двадцать, это полторы тысячи страниц машинописи. Сказки, понимаешь, каждая ладно скроена, крепко сшита, каждая — что повесть. Ты можешь, грамотный человек, держать в памяти тысячу пятьсот страниц прозы?

— Нет, конечно.

— И я не мог бы. А он, неграмотный рыбак, держал да по многу раз в рыболовецких избах пересказывал. Гомер, понимаешь, своего рода этот Матвей Коргуев! Борода темно-русая кустом, лоб высокий, взгляд умный. С тринадцати лет на море. А от кого сказки перенял? От материкарелки. Та и русские сказки сказывала, и вдвоем с братом руны пела. Ты почитай, почитай Матвея Коргуева, диву дашься! Недаром орденом «Знак Почета» награжден был.

Сотрудники Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина прислали мне в Новгород на короткое время двухтомник сказок Матвея Коргуева. Я с интересом прочитывал эти удивительные сказки одну за другой, ища страницы, впечатлявшие Прокофьева.

Беломорские сказки рассчитаны на то, чтобы одним сюжетом занять час перед сном уставших, укачанных морем рыбаков. В сказках Коргуева нет праздной игры словом ради краснобайства. Каждое слово к месту и, где ему полагается, достигает высокой художественности.

Эх, дать, благодать,
Кабы конь — мне гулять,
Кабы лук — мне стрелять,
Кабы меч — мне бы сечь,
Кабы красная девица,
Мне б на ней жениться!

Эта звучная образно-поэтическая связка слов — подлинное диво. Не меньшим дивом представляется мне и следующая за ней связка. Спутник героя сказки предупреждает его о предстоящих трудностях пути, опасностях, испытаниях:

Будет лук, да не будет рук.
Будет и меч, да тебе им не сечь.
Будет и конь,
не тебе на нем ездить.
Будет красная девица —
Не тебе на ней жениться!

Переписав эти два места в форме стихов, я прочел их вслух раз и другой. Послышалась знакомая интонация Александра Андреевича, показалось знакомое, родственное онежской сказке построение стиха.

«Читайте простонародные сказки, молодые писатели, чтоб видеть свойства русского языка», — писал А. С. Пушкин, отвечая критикам на разбор четвертой и пятой глав «Онегина». Прокофьев читал простонародные сказки, и как читал! На вкус, на цвет, на слух пробовал изобразительную силу языка сказителей, таких, как северянин Матвей Коргуев. Печатное слово народного поэта, каким был Прокофьев, возобладало над речевым. Восприняв из свойств устной речи и усилив звучность ее и красоту, данные народом-языкотворцем, стихи Александра Прокофьева, которому сегодня исполнилось бы 75 лет, обрели свою долговечность.

Василий СОКОЛОВ